

«Найти актера — это невероятно трудно», — вздохнул Танг Шуанцинь, сидя на диване и потирая ладонью свою редкую макушку.

В его новом фильме «Парная пряжка» работали два кастинг-директора, но ключевыми персонажами режиссер занимался лично. Сяо Иньюэ оставался последним нераспределенным героем, и это по-настоящему действовало на нервы.

В комнате, помимо самого Танга и его помощников, находился особый консультант. Режиссер пригласил нескольких экспертов, чтобы максимально достоверно воссоздать эпоху и образы реальных людей. С ним сегодня была госпожа Ло Ся — родная внучка великого мастера Сяо Иньюэ, выросшая у него на коленях.

Ло Ся, профессор училища бяньской оперы, не могла не восхищаться творческим поиском Танга. Он был запредельно придирчив: порой ей самой казалось, что кандидат хорош, но режиссер всё равно находил изъяны. Однако сроки поджимали. Если сегодня ничего не решится, придется выбирать «лучшего из худших» в резервном списке.

После прослушивания трех-четырех актеров Танг Шуанцинь погрузился в молчание, а затем внезапно велел пригласить человека, с которым раньше никогда не контактировал. Когда Ло Ся узнала, что речь идет о сыне Ся Ивэй, она едва не подпрыгнула от неожиданности. Она знала о той старой вражде и не верила, что Танг пойдет на такой шаг.

К самому Ци Шэцзяну Ло Ся относилась скептически. В ее списке фаворитов были: опытный киноактер, профессиональный оперный певец и новичок, внешне поразительно похожий на ее деда. А Ци Шэцзян? Молодой комик-сяншэнист. Казалось, он может схватить форму, но никогда не постигнет суть.

Вскоре доложили, что Ли Цзин привел Ци Шэцзяна.

— Танг-дао, — с улыбкой заметила Ло Ся, видя, как нахмурился режиссер. — Снова вспомнили Ся Ивэй? Боятесь, что ее гены окажутся слишком сильными?

Танг Шуанцинь промолчал.

Кастинг-директор, старый соратник Танга, хихикнул: — Босс, отступить поздно. Если что, дайте мне знак, и я его вежливо спроважу.

Танг лишь покачал головой. Нужно признать: когда он увидел кадры в телефоне коллеги, его зацепил образ Ци. Он был пугающе близок к тому, что режиссер рисовал в своем воображении.

В дверь постучали. Вошел молодой человек в простой куртке и темных брюках. Лицо напоминало Ся Ивэй, но взгляд был мягче, а аура — спокойнее. Ли Цзин предпочел остаться в коридоре, чтобы не мозолить глаза режиссеру и не вызывать дурных воспоминаний.

Ци Шэцзян не знал Танга в лицо, но быстро вычислил главного по количеству волос на голове.

— Танг-дао, — поздоровался он.

— Пришел всё-таки... — Танг Шуанцинь смотрел на него сложным взглядом.

Он уже представлял Ци в длинном халате столетней давности, но рука непроизвольно

потянулась поправить собственные остатки волос.

Помощник включил камеру: — Джесси, сначала прочти речитатив. Присаживайся.

Ло Ся поморщилась: обращение «Джесси» в таком контексте резало ей слух, укрепляя уверенность, что перед ней обычный поп-айдол.

Ци Шэцзян сел, кивнул присутствующим и приготовился. Первое, что их поразило — у него в руках не было сценария. Прошло меньше двух часов с тех пор, как Ли Цзину отправили текст для проб. Ци собирался выступить по памяти. Была ли это самоуверенность или пренебрежение?

Сам Ци об этом даже не думал. Для него текст — это база. Артисты старой школы часто были неграмотны, они заучивали всё на слух, «из уст в уши». Ошибиться в слове на сцене считалось позором, за который не стыдно было лишиться гонорара.

Ци не просто читал — он начал играть. Еще не произнеся ни слова, он изобразил, будто держит в руках чашку и палочки, быстро отправляя еду в рот. Он жевал, хмурясь, с видом явного недовольства.

Это была пантомима (работа без предметов). В сяншэне и опере это основа. Ци «ел» так достоверно, что присутствующие невольно закивали. Как актер он уже на голову превосходил свою мать. Хороший комик обязан быть хорошим актером: зритель не должен чувствовать «игру».

Кастинг-директор озадаченно почесал голову. Он знал сценарий наизусть. Перед первой репликой была ремарка: «Сяо Иньюэ съедает тарелку сельдерея». Это была мелкая деталь. Большинство актеров на пробах ее игнорировали или просто имитировали еду с нейтральным лицом.

Но Ци Шэцзян хмурился. Зачем? Если он не любит сельдерей, зачем его ест? Кастинг-директор посмотрел на Танг Шуанциня и увидел, что тот и Ло Ся сидят с расширенными от изумления глазами.

— Танг-дао? — шепнул помощник. — Что-то не так? Он слишком странно ест?

Танг жестом велел ему замолчать. Он и Ло Ся обменялись взглядами.

Дело в том, что Ло Ся рассказывала режиссеру секрет, который не вошел в сценарий. Ее дед ел вареный сельдерей с уксусом каждый день — это был старинный способ беречь связки. Он ненавидел сельдерей, но отец заставлял его есть это с детства. Сяо Иньюэ всю жизнь ел его, морщась от отвращения.

Ци Шэцзян показал эту деталь. Случайность? Или он где-то разузнал? Может, от семьи Мэн, которая знала мастера лично?

Ци продолжил. Наступил эпизод, где Сяо Иньюэ должен выйти на замену и спеть несколько строк. Ци слегка потянулся. Сяо Иньюэ всегда говорил: «Перед выходом надо размяться, тогда голос зазвучит вольно».

Он начал петь в стиле бьяньской оперы. Этот жанр, пришедший из эпохи Сунь, сохранил древние тона, он лишен излишней вычурности, но полон особого очарования. Ци встал в позу, прошелся мелкими шагами (так, что ступни казались неподвижными), замер и, глядя в сторону, произнес нараспев четыре строки:

«Колокол инея молчит, ива роняет пух, Цветы колышутся у весенних вод. Старая песня на новый лад ласкает слух, О горестях и радостях ведет свой черед».

Это было оно! Танг Шуанцинь пересмотрел сотни записей, он видел, как идеально Ци поймал аристократизм и манеру вековой давности. Один человек на одном стуле превратил комнату в закулисы старого театра.

У Ло Ся перехватило дыхание. Она, как профессионал, не нашла ни единой ошибки в технике. Но главное — Ци уловил «дух» ее деда. Ее отношение изменилось мгновенно: от скепсиса до искреннего восхищения.

Ло Ся начала отбивать ритм ладонью по колену и обнаружила: Ци попадает в такт идеально (бань-янь). В традиционной музыке «бань» — это сильная доля, «янь» — слабая. Если ритм сбит — рушится всё. Если сейчас наложить его вокал на оркестровую запись — они совпадут до миллиметра.

Закончив петь, Ци взял со стола стакан воды, сделал глоток и совершенно естественно добавил от себя: — Почему вода холодная?

Танг Шуанцинь хлопнул по столу: — Браво!

Он едва сдерживался, чтобы не выругаться от восторга. Как у Ся Ивэй мог родиться такой сын? Это генетическая мутация! Это движение, эта капризная интонация...

Сяо Иньюэ в жизни был именно таким. Артист, только что разогревший связки пением, никогда не станет пить холодную воду — это закон. Ци жил этой ролью.

Танг Шуанцинь понял: его «ПТСР» (посттравматическое расстройство от Ся Ивэй) излечено.

— Ну что, Джесси? — спросил Ли Цзин уже в машине.

— Сказали: «Ждите звонка», — спокойно ответил Ци.

— А, ну понятно... Поедем поедим, — Ли Цзин внутренне сдулся.

Он решил, что это вежливый отказ. «Ждите звонка» в этом бизнесе редко означает что-то хорошее.

Спустя два дня в сети всплыло фото Ци Шэцзяна на месте проб. Тут же поползли слухи. Вспомнили старую вражду матери и режиссера. Пользователи шутили: «Танг-дао, вы не боитесь старых кошмаров?»

Комик Линь Ян не упустил случая язвить:

«Неприкаянный юнец лезет в кино... Одно дело — кривляться в сяншэне, другое — играть великого мастера бьяньской оперы. Это оскорбление памяти мастера. Надеюсь, Танг Шуанцинь не совершит такой ошибки. Пробы этого выскочки — просто анекдот. Пара комплиментов от

стариков — и он уже возомнил себя актером».

— Посмотрите на него! — возмущался Ли Цзин в гостях у Ци и Ся Ивэй. — Мелкая душонка, старый завистник. Встречу его на ТВ — всё выскажу в лицо.

— Зачем ждать ТВ? Я сейчас напишу в Weibo, — Ся Ивэй была расстроена. — Мой сын такой талантливый, а Танг его не взял. Старый хрыч просто мстит мне через ребенка...

— Кхм-кхм, — закашлялся Ли Цзин.

Ци Шэцзян поднял голову: — Мам, Танг-дао вовсе не мстит.

— Конечно мстит! — гнула свое Ся Ивэй. — До сих пор тот фильм забыть не может.

Ци хотел было объяснить, но у Ли Цзина зазвонил телефон.

— Алло? Кто?.. «Парная пружка»?

Ся Ивэй замерла.

— Да... Хорошо... До встречи, — Ли Цзин опустил трубку с каменным лицом. — Это... из производственного отдела... Хотят обсудить гонорар и график съемок...

Ся Ивэй схватилась за телефон: — Твой отец еще не вернулся в страну. Ты звонил ему? Он заплатил им?!

Ли Цзин: «...»

Ци Шэцзян: «...»

— Мам, режиссер сразу сказал, что он очень доволен. После проб мы долго болтали, он велел ждать звонка от юристов для контракта. Дядя Цзин, я же тебе говорил.

Ли Цзин хлопнул себя по лбу: — Нет! Но почему ты был таким спокойным?! Я решил, что это отказ! Никто не реагирует на предложение Танг Шуанциня так... буднично!

Ци Шэцзян лишь пожал плечами. Он считал, что это закономерно. У него было преимущество, которого не было даже у внучки мастера: он знал Сяо Иньюэ молодым.

— Что ты делаешь? — спросил Ли Цзин, глядя, как Ся Ивэй строчит в телефоне. — Пишешь мужу?

— Нет, — ответила она с хищной улыбкой. — Пишу в Weibo, чтобы сообщить Линь Яну эту радостную новость!!

<http://bllate.org/book/17028/1585721>